

Talickája, Jelizaveta

Прекрасное "косноязычие" Андрея Платонова в рассказе "Фро"

In: *Roman Jakobson*. Mikulášek, Miroslav (editor). 1. vyd. V Brně: Masarykova univerzita, 1996, pp. [363]-369

ISBN 8021014377

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132398>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРЕКРАСНОЕ «КОСНОЯЗЫЧИЕ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В РАССКАЗЕ «ФРО»

Е. Талицкая (Брно)

Язык Андрея Платонова — загадочное, труднопостижимое явление в русской литературе советского периода. Он как бы и нелитературен вовсе не только в прямой, но и в авторской речи. Произведения Платонова можно было бы сравнить с полотнами наивных художников, но подобное сравнение относительно. Наивный художник пишет сердцем, не вполне владея техникой. Платонов — мастер правильной литературной речи. Она так же прекрасна, как все в его творчестве. Правда, в произведениях Платонова и такие, общие для искусства слова приемы, как точность словоупотребления, контаминация стилей, семантический сдвиг, приращение смысла, олицетворение, параллелизм, метонимия, контраст — неожиданны и необычны и заслуживают внимательного прочтения, но удивительное своеобразие языка Платонова — в его косноязычии. «Недостатки» речи, ее неправильность в контексте платоновских сочинений становятся средствами пронзительного очарования, наполняются внутренней энергией непонятной силы воздействия.

Рассказ «Фро» невелик. В нем почти ничего не происходит: муж Фроси уехал на Дальний Восток. Не в силах терпеть разлуку, Фрося просит отца послать телеграмму: «Выезжай первым поездом, твоя жена дочь Фрося умирает при смерти осложнение дыхательных путей отец Нефед Евстафеев». Муж приезжает. Несколько дней они вместе счастливы. Вот и все. В то же время это рассказ о многом. Это кусочек жизни периода советизации быта, психики, образа жизни, человеческих отношений. Это рассказ о сопротивлении наивного сознания новым абстрактным понятиям и восприятию того, что можно очеловечить, одухотворить. Но главное, о чем этот рассказ — о нестерпимом чувстве сердечной, преданной, глубокой, светлой любви.

Рассказ начинается словами: «Он уехал далеко и надолго, почти безвозвратно». Уже в этом предложении насстораживает неправильность речи: уехал безвозвратно и почти безвозвратно.

Наречие безвозвратно узуально употребляется с глаголами исчезнуть б., потерять б., и перен. годы ушли безвозвратно. С глаголом уехать обычным было бы сочетание уехать навсегда. Слово безвозвратно означает необратимое действие, наречие почти присоединяется к нему незаконно, нарушая семантическую и лексическую сочетаемость. Построим правильную фразу: Он уехал далеко и надолго, может быть, навсегда. И что же? Тотчас исчезает эмоциональная напряженность, смятение, нестерпимость разлуки, отчаяние (уехал безвозвратно) и свет любви и надежды (почти безвозвратно).

Нарушение грамматических и лексических правил — одна из характерных особенностей стиля А. Платонова.

«Прекрасная жизнь была в самом этом мальчике —, который держал в руках ветку травы вместо игрушки и касался земли доверчивыми голыми ногами» (с. 208).

«Фрося терпела эту разлуку, она все более скоро разносила почту, все более часто дышала, чтобы занять сердце посторонней работой и утомить его отчаяние» (с. 220). (Утомить отчаяние сердца!)

«Отец Фроси находился тут же, на перроне, но держался в отдалении от дочери, чтобы не мешать их настроению» (с. 222).

«Жизнь нигде не имела пустоты и спокойствия» (с. 220). «Провожаящие ушли с пассажирской платформы обратно к оседлой жизни» (с. 205).

Попытаемся заглянуть в глубину платоновских неправильных словосочетаний.

«Накануне ночи в мире все было слишком отчетливо видно» (с. 205). Словари отмечают: Накануне, нареч. I. В предыдущий день. Приехал накануне. 2. В день, предшествующий чему-н., незадолго до какого-н. праздника, события. В сочетании накануне ночи слово накануне утрачивает семантический признак 'день' и означает 'время'+ 'незадолго до какого-нибудь праздника, события'. Вслед за этим происходит приращение смысла в слове ночь. Ночь превращается в событие, праздник, торжество.

«На столе у нее стояла детская фотография мужа: позже детства он никогда не снимался» (с. 208).

Наречие поздно, а тем более в сравнительной степени позже, не сочетается со словами, обозначающими период времени в жизни человека. В сочетании позже детства нарушена грамматическая и лексическая сочетаемость. Оно неправомерно, но понятно: Федор снимался только в детстве, а в последующие периоды жизни он уже не снимался. Платонов сжимает необразное,

растянутое выражение мысли, устраняя пустые слова, но пренебрегая при этом узуальными правилами речи. Образная «неправильность» как бы создает преграду на пути течения невнимательной, ленивой человеческой мысли.

«Ей не хотелось тратить время на что-нибудь, кроме чувства любви, и в ней не было теперь женского прилежания к своему телу» (с. 215).

Слово прилежание имеет значение 'усердие, старательность в труде, в учении'. Чаще всего оно употребляется, когда речь идет о детях, о том, как они учатся, добросовестно ли готовят домашние задания. В школах существует отметка за прилежание. Перенос слова в другую сферу — прилежание к своему телу — вызывает представление о детском старании, вносит ощущение духовной чистоты и непосредственности заботы любящей женщины о своем теле. И все же — так сказать нельзя! Сочетание своим косноязычием нарушает даже нормы образности, если такие существуют!

Нарушение правил сочетаемости у Платонова часто маскируется одним, очень характерным для его творчества приемом: в качестве синтаксических однородных членов предложения рядом располагаются слова семантически неоднородные. При этом один из членов узуально не сочетается с тем словом, к которому относится.

«С тех пор катушки, Мостики Уитсона, контакторы, единицы светосилы стали для Фроси священными, словно они сами были одухотворенными частями ее любимого человека; она начала понимать их и беречь в уме, как в душе.» (с. 215).

«В танце она слабо помнила себя, она находилась в легком сне, в удивлении--» (с. 213).

«Она делала сейчас все кое-как, нечисто, невкусно, но им обоим было все равно, что есть и что пить, лишь бы не терять на материальную, постороннюю нужду время своей любви» (с. 223).

«Фрося сидела в сумраке, в блаженстве любви и памяти к уехавшему человеку» (с. 209).

Беречь в уме, находилась в удивлении, материальная нужда, блаженство памяти — все это очень странные, непривычные, неправильные, но трепетные и как бы детски наивные выражения.

Трогательную, пронзительную, детскую неправильность речи находим и в такой удивительной особенности стиля Платонова как, казалось бы, излишнее, ненужное распространение предложения.

«Ничья душа не пропадет отсюда» (с. 205).

«Ее сердце не привлекали катушки Пупина» (с. 215).

«Ветер успокаивался на вечер среди блаженных сосен» (с. 217).

В последнем предложении достаточно было бы сказать: ветер успокаивался, чтобы передать значение 'стихал'. Но добавление на вечер изменяет смысл словосочетания. Ветер уже не просто 'стихал', ветер 'готовился ко сну'. Такое прочтение конкретизируется обстоятельством места — среди сосен. Можно было бы видеть в предложении литературный троп, олицетворение, если бы и здесь не было нарушения речевого правила: глагол успокаиваться не употребляется в сочетании со словами, обозначающими время суток.

Очень часто предложение распространяется семантически однородным словом и тогда возникает семантическая тавтология.

«Не поев пищи Фрося ушла на занятия» (с. 215).

«Трещал один дальний кузнечек, не дождавшись времени тьмы» (с. 217). «Фрося пробудилась: еще светло на свете, надо было вставать жить» (с.218).

«— Что ж ты сегодня себе губки во рту не помазала? — спросил он (отец)» (с. 217).

«Фрося не стала чистить зубы; она умылась еле-еле и больше не позаботилась о красоте своей наружности» (с.215).

Почему это «масло масляное» создает такую вибрирующую напряженность? Почему без этих неправильностей, без этого косяязычия фраза становится бледной, невыразительной? Это остается загадкой. Может быть, наша мысль должна зацепиться за шероховатость, задержаться у препятствия, чтобы впервые заметить глубину знакомого слова? А может быть, из платоновских словосочетаний излучается свет детски наивного взгляда, познающего мир?

В языке Платонова находим еще одну странную особенность. Наивное восприятие жизни, сердечное стремление к истине пробивается у Платонова сквозь язык советских штампов, «канцеляризмов». Советизмы, которые переносятся в человеческую речь из лозунгов, газет, учебников, с собраний, заседаний и митингов, в контексте платоновского стиля подвергаются переосмыслению, выражая или внутреннее неприятие штампа, или стремление найти жизнь, гуманный смысл в бездушном абстрактном слове. Происходит преобразование штампа.

«Он (Федор) всегда занимался тайнами машин, надеясь посредством механизмов преобразовать весь мир для блага и наслаждения человечества или еще для чего-то — жена точно не знала» (с. 207).

Для блага человечества — штамп. Он не вполне понятен Фросе, и она добавляет еще одно красивое слово — и наслаждения

человечества, но окончательно запутывается: или еще для чего-то — жена точно не знала. Так раскрывается фальшь и безжизненность абстракции штампа. «Много людей узнала Фрося, стоя с письмом или пакетом у чужих дверей. Ее пытались угощать вином и закуской, и ей жаловались на свою частную, текущую судьбу» (с. 220). Слова текущий и частный употребляются преимущественно в газетном и деловом стилях речи и не сочетаются со словом судьба. Ср.: Частная переписка, частное дело. Частная жизнь — личная, не общественная, не государственная. В текущем году, 10-ого числа текущего месяца, текущий ремонт, текущие дела, текущий счет. Газетный и канцелярский стиль буквально обрушились на сознание простого человека в годы советизации, убивая в нем духовное начало. Но простому человеку незнакомые слова казались очень умными, и он стремился научиться их употреблять. Многие писатели использовали штамп как средство создания юмора или насмешки, видя в его употреблении признак глупости или неинтеллигентности, и только Платонов показал трогательную нелепость штампа в устах искреннего, от природы духовно богатого человека.

В советское время слова мещанин приобрело осудительную окраску. В словаре Ушакова находим следующее определение: Человек с мелкими ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором. А вот как переосмыслиется это слово в контексте рассказа.

«Отец спросил у Фроси, не пойдет ли она в клуб: там сегодня новая постановка, бой цветов и выступление затейников из кондукторского резерва. — Нет, — сказала Фрося, — я не пойду. Я по мужу буду скучать.

— По Федыке? — произнес механик. — Он явится: пройдет один год — и он тут будет ... Скучай себе, а то что ж! Я, бывало, на сутки, на двое уеду — твоя покойная мать и то скучала: мещанка была!

— А я вот не мещанка, а скучаю все равно! — с удивлением проговорила Фрося. — Нет, наверное, я тоже мещанка ...

Отец успокоил ее:

— Ну, какая ты мещанка! ... теперь их нет, они умерли давно. Тебе до мещанки еще долго жить и учиться нужно: те хорошие женщины были» (с. 209). Штамп, канцеляризм у Платонова вторгается в самые неподходящие для него сферы жизни, лирические и интимные сцены и разбивается, разрушается от силы «неправильного» искреннего, наивного восприятия жизни, выраженного неправильными словосочетаниями.

«Наговорившись, они обнимались — они хотели быть счастливыми немедленно, теперь же, раньше, чем их будущий усердный труд даст результаты для личного и всеобщего счастья. Ни одно сердце не терпит отлагательства, оно болит, оно точно ничему не верит» (с. 223).

«Федор в страсти воображения шептал Фросе слова о таинственных силах природы, которые дадут богатство человечеству, о коренном изменении жалкой души человека» (с. 223).

« — (Федор) велел мне идти к тебе домой и беречь тебя. Как, говорит, поделает все дела, так либо сюда вернется, либо тебя к себе выпишет. — Какие дела? — узнавала Фрося.

— Не знаю, — произнес старик. — Он сказал, ты все знаешь: коммунизм, что ль, или еще что-нибудь!» (с. 225).

«Фрося хотела, чтобы у нее родились дети, она будет их воспитывать, они вырастут и доделают дело своего отца, дело коммунизма и науки» (с. 223). «В наружную дверь робко постучал маленький гость. Фрося впустила его, села перед ним на пол, взяла руки ребенка в свои руки и стала любоваться музыкантом: этот человек, наверное, и был тем человечеством, о котором Федор говорил ей милые слова» (с. 224).

Штамп, канцеляризм как стилевой прием литературного творчества имеет глубокий смысл в рассказе Платонова. Это прием, который позволяет нам проследить восприятие советской жизни, ее отрицательных и положительных сторон бесхитростной душой, которой всегда, во все времена было свойственно интуитивное чутье истины и стремление к гуманности, которое пробивало свой путь в лабиринте абстрактных понятий, словесных ловушек и тупиков того времени.

Кроме удивительных «косноязычных» приемов литературного творчества в рассказе «Фро» можно отметить еще две особенно важные черты стиля Платонова: контраст и расширение пространства. Используя их, Платонов распространяет свет за пределы Фросиной судьбы, заставляя сиять и искриться, наполняя нежным сиянием любви все пространство рассказа.

Цитировано по изданию:

П л а т о н о в, А.: *Живя главной жизнью. Повести. Рассказы. Пьеса. Сказки. Автобиографическое.* Москва 1989.

РЕЗЮМЕ

Неправильность речи — одна из особенностей стиля А. Платонова. Нарушение узуса сочетаемости, лексико-грамматических правил; перенесение слов из одной сферы употребления в другую; распространение предложения семантически однородными членами (семантическая тавтология); соединение лексически неоднородных слов в качестве грамматических однородных членов; использование советских штампов — эти, сами по себе сомнительные явления, приобретают у Платонова эстетическую ценность, становясь средством создания лирического подтекста.

Отдельные словоупотребления, связанные с неправильностью речи, требуют внимательного прочтения и расширения пространства. В этом рассказе «неправильное» ближе к истине, чем фальшь «правильных» слов; наивное осмысление жизни очеловечивает, преобразует штампы «новых», «умных» слов, и убожество быта и культуры периода советизации жизни, мышления и человеческих отношений бессильно в отношении глубокого чувства сердечной любви, которое наполняет светом все пространство рассказа.

